

О Нерукотворном образе Спаса и заповеди любви к искреннему

Бог – Слово... Бог – Любовь... Бог – Путь, Истина и Жизнь... - умалил Себя, уничижил Себя по благоизволению Своему к человеческому роду, огреховленному и укоренившемуся во грехе. По невместимой, необъяснимой нами, терпеливой и назидательной любви к человеку, возлюбившему грех паче чистоты, паче Бога... - к такому человечеству явил Себя Бог – Слово... Бог – Любовь... Бог – Путь, Истина и Жизнь... Бог явил себя, воплотившись, вочеловечившись, войдя в человеческое естество – явил Себя в абсолютной Богочеловеческой полноте – явил Себя человеческой неистовости во грехе, явил Себя человеку само-оскверненному в Раю сладости, явил Себя - и был распят, убит... к Воскресению, к одолению погибели. Так продолжает Он являть Себя по вознесении от мира, не отступая от нас Любовью... не умаляя непреложности Своей Истины... предлагая Себя, как единственный Путь и действительную Жизнь. На стяжательную молитву – на огреховленный человеческий лепет о чистоте, о любви, об истине и животворении, – непременно откликается являющий Себя Нисходящий к нашей немощи - Бог.

Бог Удаляющийся в Вознесение – оставляет нам заповедь Любви, как действенной Истины, Жизни, Пути, как Самого Себя в мире. «Любишь ли Меня?» - спрашивает Он апостола Петра в явлении на Тевриадском озере - трижды повторяет Свое вопрошание. Услышав троекратный ответ – Бог благословляет Петра пасти овец Господних и следовать за Ним. Следовать Истинным Путём Жизни во взаимной Любви ко Господу. (Ин. 21:15-25).

На самом краю Богочеловеческого пути перед Распятием, на Тайной Вечери, после принятия Иудой от Христа части пасхальной трапезы, после вхождения Сатаны в апостола... после удаления отпавшего ученика в ночь предательства... перед удалением Христа в ночь Гефсиманской молитвы... – говорит Господь о любви оставшимся верным... и тем, что уснут вблизи - говорит: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 13:34).

На вопрошание законоучителей, искушающих Иисуса (Мф 22:37-40) Господь, обличая нечестие, проповедует заповедь о любви к Богу и искреннему, говорит законнику, вопросившему Его о наибольшей заповеди в Законе: «возлюбиши Гóспода Бóга твоегó всѣмъ сѣрдцемъ твоимъ, и всею душѣю твоєю, и всею мýслию твоєю: сїя ёсть пѣрвая и бóлшая заповѣдь: вторая же подобна ей: возлúбиши **искренняго** твоегó яко сáмь себе: въ сїю обою заповѣдїю весь закóнь и прорóцы вѣсятъ». О Любви к ближнему, приближенному – искреннему говорит - Бог...

Итак, любовь к Богу и любовь друг ко другу... Любовь оставляет свой след в образе, можно бы сказать, что любовь – продолжает воплощать себя, воображать себя в человеках, - Спаситель – Бог Любви Христос – вновь и вновь возникает в нас Своею Любовью. Апостол говорит о делах Любви в человеках, о том, как Любовь проявляет Себя в межличностном общении. Господь не говорит о том, как именно Любовь проявляет Себя, - Он Сам есть проявление... Явление Любви, Он Сам есть Любовь, воплощённая, вочеловеченная, жертвенная до погибели... Любовь до смерти (Θάνατος), но не смерть, Любовь – в одоление смертности и погибели. Любовь – распятая, погребённая и воскресшая. Изошёл вознёсший Себя Бог во плоти от брэнной земли, но оставил Себя, как Любовь незримую и как заповедь о Любви между нами. Изошёл Бог, чудесно преодолел тяготу земную – и оставил нам путь этого одоления – Любовь, вырывающую жизнь из тяготения земного, конечного, смертного.

Предмет нашего осознания в контексте высказанного – Нерукотворный образ, как отпечаток, запечатление Воплотившей Себя Любви – Христа – переданный царю Авгару для исцеления от мучительной и опасной болезни подагры. От столь земного, вполне обыденного недуга – передано Христом чудотворное средство, благословение Любви, воплощённое в образе. Образом опосредованно благодетельное, через образ – преподана благодать, распространено чудо - и исцеляется Авгар. Для глубинного погибельного и смертного состояния человека – ниспосылает Господь Самого Себя – Любовь – и запечатлевает Себя для всех нас, не говоря ничего, не проповедуя больному, не увещывая его притчами, не воскрешая его видимым способом – посылает ему отпечаток Своего воплощения в человеческом облике, отпечаток на нестойкой и подверженной разрушениям тленной ткани. Заметим: столь же подвержена лёгкому разрушению, хрупкая черепица, на которой чудесно запечатлён отпечаток Нерукотворного Образа. Столь же хрупко и смертно человечество во Христе. И сам «человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако отцветет» (Пс. 102:15). Поздние и общепринятые иконописные руководства, указания – ерминии (греч. Ἐρμηνεία — разъяснение, истолкование... - не от греческого ли Ἑρμῆς – бог изъяснитель, толкователь смыслов) – не разрешают иконописцам создавать образы на нестойком основании ткани, на хрупком и легко разрушаемом материале керамики. Слишком крепки традиционные почитаемые иконы, исполненные в традиционной античной технике энкаустики, темперы, мозаики, фрески. Целостна, крепка рукотворная икона, устойчива ко внешним воздействиям, не разрушается и от поругания под ударом клинка, копья, стрелы. Рыдает, кровоточит... но сохраняется к почитанию рукотворный образ. И столь хрупко, ранимо, нежно основание образа Нерукотворного, запечатлевшего живую, дышащую Духом Святым Любовь Господа. Эти хрупкие изображения были помещены в драгоценные ковчеги и на серебряных цепях вознесены к подпружным аркам Фаросской церкви императорского дворца в Константинополе, - мы уже упоминали об этом. Хрупкость Нерукотворного образа была вмещена в крепкий рукотворный охранительный сосуд, сохранена в нём, как рукотворном ковчеге. Рукотворное охранительство – содержит в себе, оберегает собою – чуткий, ранимый, уязвимый, легко разрушимый Нерукотворный Лик, казалось бы, - разрушимый временем и усилиями человеческого нечестия. И усилия благочестия приложены к тому, чтобы достойно возвеличить, украсить, а паче - сохранить собою к почтению, к должному вознесению, любованию и разумению – эти нерукотворные святыни.

Образ Божий, запечатлённый на хрупком полотне есть проявленное и предъявленное – очень хрупкое и, вместе с тем, нерушимое чудо Господнее. Производное от этого чуда – запечатлено на хрупком черепице напротив. И меж этими чудесными отпечатлениями – горящая лампада, - паникадило нашей общей молитвенной свечи в центре храма. В пространственном устройстве образов паникадило – как пламя нашей чудесно неугасимой любви ко Господу, как наш согласный, сомолитвенный, единосердечный ответ на вопрошания Христа: «любишь ли ты Меня...». Соборным откликом - затепленная, воспламенённая Духом, вознесённая общим молитвенным действием многоязыкая свеча – паникадило – многогласно ответственное восходящее и возносящееся откликновение соборной церкви. Как свидетельство принятой любви и преподанного нам ответного благоволения – образ Нерукотворный... молчаливый и уверительный – и образ на черепице, как вторичное, но ничуть не ущербное, не уступающее в значимости, не утратившее полноты – от-ображение преподанной нам Любви, согреваемой нашей молитвой. Господь запечатлевает Себя на убрусе, - и черепице таинственно – обретает и несёт на себе тот же Нерукотворный образ. Не так ли должно и

нам возвысить свои лица горе, дабы таинственно и чудесно - раскрыл Господь на скудели наших помутневших, помрачённых, тронутых смертной патиной лицах – Свой образ. Не так ли и мы распознаем Бога – открывшимся в нас ликом Христовым. Прильнём ко Христу настолько, насколько Его лик отразится в нас. Об этом же – говорит первая заповедь к Богу, - о любви не одним лишь духом, не одними лишь плотью и душою... но всем своим помышлением, разумением, всем сердечным устройением и самим сердцем своим, всею человечностью в себе, всем собою – восприняв Бога – возлюбить Его – побуждает нас первая заповедь о любви: возлюби Бога всем своим естеством, без разделения на составы. Так и любящий Христос, проникая в нас причастием – проникает не только лишь в душу, в её потаённый «красный» уголок... или же – в затепленный фитилёк нашего духа, в самый горячий и светящийся язык... в кончик острия - жала нашего ума... - но входит Господь широкой поступью во все составы, в нутро, во утробу нашего человечества, в нашу сердцевину – вникает Бог, наполняя Собою, не смешиваясь с нашим грехом в нас... неведомо и неизъяснимо – во всецелое наше человечество, в сердце, как средо-точие нашего естества, не выбирая к проникновению какие – либо частицы внутри нас – во всего человека готов проникнуть и - проникает Бог. Всего человека без остатка – хочет Бог Своею Любовью... и таинственно – обретает.

Вторая заповедь нам – о любви друг ко другу. Два лика Христова расположены напротив: Лик Христов на плате – отпечаток непосредственного прикосновения кожи, волос, очей Спасителя, Его ланит, уст. И лик Христов на чрепии – таинственно проявившийся отпечаток отпечатка. Повторимся: оба эти образа – на основании весьма непрочном явлены нам. Перед ликом Нерукотворенным мы предстоим за литургией. Перед ликом Нерукотворным, таинственно отображённым в ближнем человеке – проявляется наша любовь к нему и ко Христу. Важно – уяснить себе значение слова «ближний» в этой заповеди. Интересно отметить различия смыслов, запечатлённые в церковно-славянском тексте и в синодальной интерпретации. «Ближний» - прочитываем в тексте синодальном, это же значение в греческом евангелии. «Искренний» - в тексте церковно-славянском. И улавливаем при сопоставлении слов множественные оттенки значений. «Ближний» – этимологическим знаком своего корня говорит о физической приближенности. Физически не удалённый от нас человек... и слово теряет некую духовную наполненность, растворяясь в видимом, осязаемом, измеримом, оцениваемом пространстве. Не раскрыть больших смыслов в этом слове. Домыслить себе возможно, но корень не содержит их, в отличие от слова «искренний», в котором обрадованно обретаем многогранное, многоценное звучание смысловой симфонии... и откровенности-откровения Лица Господнего в этом искреннем перед нами... в открытом перед нами человеке – открывается Божий лик, - именно к Нему обращена наша молитва, - ко Господу, из-образившему Себя в человеке, открытом перед нами. Не всякий приближенный открыл себя нам... не на всяком приближенном запечатлён для нас откровенный Лик Христов... «Искренний» - искры... край... кора... кресало... вос-кресение... - ужели надуманы нами эти со-звучия, со-смыслия слов, заложенные и проявленные в корне. «Испрь»... выпрь» - и такой отзвук встречаем у исследователей старославянской этимологии слова. Искренний – откровенный – возвышенно - открытый... нестерпимо блистающий в этой откровенности... в открытости перед нами. Искренний – и кресало – Вос-кресение... искры – высекаются отблеском, отсветом Жизнью Вечной из тверди наших сердец... Возможно ли не возлюбить эту искренность, этот лик Христа, раскрытый, распахнутый на наших глазах, отворённый перед нами. И тогда – сколь неотделима вторая заповедь от первой, сколь естественно и гармонично взаимно – связаны эти заповеди. В ближнем – искреннем мы любим Того же Христа - Бога.

Мы не говорим о любви к себе самим, не ограничиваем, не умаляем, не убиваем Любви, замыкая Её на себе самом, на своём эго, не угашаем лампы, теплющейся меж нерукотворными ликами... не загоняем Любовь в клетку, в само-достаточность... но распахиваем, растворяем Её в себе перед искренним, раскрывающимся и воскресающим перед нашим взором. Бог – искренен, нелицемерен и нелицеприятен - перед нами, не утаивает перед нами Самого Себя, явственен настолько, насколько мы можем воспринять Его... насколько Он Сам позволяет и способствует нашей немощи – Он открыт нам. С той же откровенностью, искренностью, самораскрытостью, - возможно ли иначе бытийствовать нам перед Ним. Иначе хула в нас и нераскаянное каиново недостойнство. И мы принимаем к этой Любви Господней и тако же – принимаем к искреннему перед нами человеку, движимы заповедью о любви к нему – любим и усиливаемся раскрыть самих себя перед ближним – искренним своим, - как усиливаемся к откровенности перед Всеведущим и Милующим... и карающим Богом. Раскрываем себя любовью перед искренним нашим, быть может он и не приближен к нам физически, недостижим взгляду, отдалён в пространстве... разделён временем... Впрочем, разве мы ведаем что-либо внятно о разделённости временем и пространством... И так – любим ближнего, как самого себя, как Христа Бога, запечатлевшего во мне Свой образ.

Такие смыслы, как видится, несёт собою объёмный вневременный и уже внепространственный образ Нерукотворного Спаса на убрусе, всматривающийся в Спаса на чрепии... и Спас на чрепии, всматривающийся в образ на убрусе. Господь глядит на Себя Самого, вглядываясь в Свой образ, несомый, содержимый... поругаемый... - нами. Мы – распознаём Бога и самих себя, вглядываясь в Его образ Нерукотворенный и внутри, в глубине, в средоточии этого взаимного всматривания и узнавания – наша многоголосая, многоликая, общая свеча – как символ нашей общей, сообщённой... собранной воедино – соборной любви ко Христу и друг ко другу в предельной приближенности и воспаляющей, воспламеняющей, сияющей искренности нашей, пусть и в безответной по человечеству, - любви. Таков символ, царящий над нашими головами – и он приближен к нам паче прочих символов и образов, на фоне его – отображаются столпы нашей святости, своды небес евангельских сюжетов, алтарные композиции, алтарная конха и сам купол небесный... - обретают живость, жизнь, наполненность дышащим Первообразом – лишь на фоне искренности нашей любви друг ко другу и Творцу, отображающем Себя в нас Любовью Своею.